

СОДЕРЖАНИЕ

Еще один великолепный миф . . .	7
Мифотолкования	205
Мифоуказания	395
Удача или миф	589
Мифические личности	735
Маленький МИФОзаклад	895

ГЛАВА 1

На небе и на земле, Горацио,
есть вещи, которые человеку
знать не дано.

*Гамлет**

Г подумал, что одно из немногих положительных качеств наставников состоит в том, что время от времени их можно одурачить. Так оно и было, когда моя мать учила меня читать; так и было, когда мой отец пытался научить меня премудростям работы на ферме, и это верно сейчас, когда я изучаю магию.

— Ты не практиковался! — прервал мои размышления окрик Гаркина.

— Неправда! — запротестовал я. — Просто это сложное упражнение.

Словно в ответ на мои слова перо, которое я поднял в воздух, задрожало и начало раскачиваться.

* Большинство эпиграфов к главам приписываются известным личностям и персонажам и являются юмористической мистификацией Роберта Асприна. (Прим. ред.)

— Тебе не хватает сосредоточенности! — обвинил меня мой учитель.

— Это все ветер, — возразил я. Меня так и подмывало добавить «из твоего рта», но я не решился. В начале наших уроков Гаркин недвусмысленно продемонстрировал свое отношение к нахальным ученикам.

— Ветер, — усмехнулся он, подражая моему голосу. — Вот так, тупица!

Перо внезапно метнулось к потолку, и мысленный контакт с объектом моей концентрации был прерван. Оно резко зависло, как будто в чем-то застряв, хотя все еще находилось в футе от деревянных балок, а затем медленно повернулось горизонтально, вокруг своей оси, и заскользило по невидимому кругу, словно попавший в водоворот лист.

Я осмелился взглянуть на Гаркина. Тот развалился на стуле, широко расставив ноги, и все его внимание, похоже, было посвящено пожиранию окорочка жареной птицеящерицы, которую, между прочим, поймал в силки не кто иной, как я. Вот вам и сосредоточенность!

Он внезапно поднял глаза, и наши взгляды встретились. Было слишком поздно отводить взгляд, поэтому я просто моргнул.

— Проголодался? — Его грязная, с проседью борода внезапно ощерилась волчьей ухмылкой. — Тогда покажи мне, как много ты тренировался.

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что он имел в виду; затем я в отчаянии посмотрел вверх. Перо, кувыркаясь, опускалось вниз, оно было уже на уровне моих плеч. Еще миг, и оно упадет на пол! Подавив в теле внезапное напряжение, я мысленно потянулся... аккуратно... сформировал подушку... Главное, не сбить его...

Перо замерло всего в двух пядях от пола.

Я услышал негромкий смешок Гаркина, но не позволил ему нарушить мою концентрацию. Я три года не давал перу касаться пола и не собирался позволить ему сделать это сейчас.

Я медленно поднял перо, пока оно не оказалось на уровне моих глаз. Обернув его мыслительным усилием, я поворачивал перо вокруг оси, а затем заставил развернуться. Пока я вел перо подобным образом, его движение было не таким плавным и уверенным, как тогда, когда это делал Гаркин, но оно безошибочно двигалось назначенным курсом.

Хотя я и не тренировался с пером, я все же практиковался в левитации. Когда Гаркина не было рядом или же он был занят своими исследованиями, я посвящал большую часть времени полетам кусков металла — точнее, ключей. Каждому типу левитации присущи свои проблемы. С металлом работать трудно, потому что это инертный материал. Перо, некогда бывшее частью живого существа, было более отзывчивым... даже слишком. Чтобы поднять в воздух металл, требовалось усилие, а чтобы маневрировать пером — ловкость. Но мой выбор — работа с металлом. Я отчетливо видел пользу этого навыка в той профессии, которую я твердо решил освоить.

— Неплохо, Шалопай. А теперь положи его обратно в книгу.

Я улыбнулся себе под нос. Эту часть упражнения я оттачивал не ради ее потенциального применения, а потому, что это было прикольно.

Раскрытая книга лежала на краю верстака. Я по длинной ленивой спирали опустил перо, позволяя ему легко пролететь через страницы книги и вновь взмыть по дуге вверх, затем остановил его и вернул обратно. Когда оно приблизилось к книге во второй раз, я отключил часть своего разума и мысленно переметнулся к книге. Как только перо полетело над страницами книги, та, словно челюсти голодного хищника, тотчас захлопнулась и поймала его.

— Да-а-а... — нараспев произнес Гаркин, — немного выспренно, но эффективно.

— Я придумал этот трюк, пока тренировался, — небрежно сказал я, мысленно потянувшись к другому окорочку птицеящерицы. Однако вместо того, чтобы

изящно подплыть к моей протянутой руке, оно осталось лежать на деревянном блюде, как будто пустило в него корни.

— Не так шустро, мой маленький воришка. Говоришь, ты тренировался, да?

Мой учитель задумчиво провел по бороде полуобглоданной костью.

— Конечно. Разве не видно? — Мне подумалось, что Гаркина не так легко обмануть, как это иногда кажется.

— В таком случае я бы хотел посмотреть, как ты зажжешь свечу. Для тебя это, должно быть, сущий пустяк, если ты практиковался в магии так усердно, как разглагольствуешь о том.

— Я не против попробовать, но, как вы сами много раз говорили, одни уроки даются легче, чем другие.

Хотя я говорил уверенно, когда в ответ на призыв Гаркина к рабочему столу прилетела большая свеча, я приуныл. За четыре года попыток я так и не добился успеха в этом конкретном упражнении. Если Гаркин решит морить меня голодом до тех пор, пока я не добьюсь успеха, мне придется туго.

— Послушайте, учитель Гаркин, мне кажется, что на полный желудок я мог бы сконцентрироваться лучше.

— А по-моему, ты просто тянешь время.

— Ну, я бы не смог...

— Кому сказано, Скив!

Ох. Раз учитель назвал меня по имени, его было уже невозможно уговорить. Уж что-что, а это я крепко усвоил за годы учебы. Шалопай, Жулик, Болван, Голова Садовая — хотя эти прозвища и звучат уничижительно, пока он называл меня так, его разум все еще был открыт. Но стоило ему произнести мое имя, как пиши пропало. Согласитесь, довольно печально, когда звук вашего собственного имени превращается в похоронный звон.

Что ж, если нет никакого способа его уломать, хочешь — не хочешь, а придется поднапрячься. Здесь не обойтись половинчатыми усилиями или притворной

сосредоточенностью. Придется задействовать каждую унцию моей физической силы и все мои умения, чтобы призвать магическую силу.

На мгновение вычеркнув из сознания предстоящее усилие, я отвлеченно изучал свечу. Комната, захламенный верстак, Гаркин, даже мой голод исчезли из поля зрения. Я максимально сосредоточился на свече, хотя уже давно помнил каждую ее деталь.

Массивная, десяти дюймов в высоту и почти шести в поперечнике, что придавало ей устойчивости. Я вырезал на ее поверхности множество мистических символов, тщательно скопированных из книг Гаркина по его указанию, но многие из них были теперь частично заляпаны затвердевшими ручейками воска. Свеча горела долгие часы, освещая мои занятия, но она всегда зажигалась от лучины, взятой из пламени очага, а не от моих мысленных усилий.

Негативная мысль. Прочь из моей головы!

На этот раз я зажгу свечу. Зажгу, потому что не вижу причин, почему я не смогу этого сделать.

Я сознательно углубил дыхание и начал собирать силу. Мой мир еще больше сузился. Вскоре все, что я осознавал, — это скрученный, почерневший фитиль свечи.

Я — Скив. Мой отец-фермер был крепко привязан к земле. Моя мать была образованной женщиной. Мой учитель — не кто-нибудь, а сам мастер-волшебник. Я — Скив. Я зажгу эту свечу.

Внутри меня начали нарастать потоки энергий, я чувствовал, что мне становится тепло. Я направил этот жар на фитиль.

Подобно моему отцу, я черпаю силы из земли. Знания, которые дала мне моя мать, словно линза, позволяющая мне сфокусировать то, что я получил. Мудрость моего учителя направляет мои усилия к тем точкам Вселенной, которые с наибольшей вероятностью поддадутся моей воле. Я — Скив!

Свеча так и не зажглась. У меня на лбу выступил пот, от напряжения била дрожь. Нет, так дело не пой-

дет, мне не следует напрягаться. Расслабься. Не пытайся форсировать усилия. Напряжение препятствует плавному течению. Пусть потоки энергии проходят свободно, служат пассивным проводником. Я заставил себя расслабиться. Мышцы лица и плеч стали мягче, и я удвоил усилия.

Теперь поток стал заметно интенсивнее. Я почти видел, как энергия течет от меня к моей цели. Я протянул палец, что еще больше сфокусировало энергию. Свеча так и не зажглась.

Я был бессилён это сделать. Негативная мысль. Стоп-стоп. Я — Сквив. Я зажгу свечу. Мой отец... Нет. Негативная мысль. Никогда не полагайся на других в поисках силы. Я зажгу свечу, потому что я — Сквив.

При этой мысли я ощутил внезапный прилив энергии. Я последовал за ней, опьяненный нежданной мощью. Я — Сквив. Я сильнее любого из них. Я сбежал от попыток отца приковать меня к плугу, как он сделал это с моим братом. Идеализм матери свел ее в могилу, но я использовал ее знания, чтобы выжить. Мой учитель — доверчивый дурачок, взявший в ученики вора. Я круче их всех. Я — Сквив. Я зажгу свечу!

И вот я воспарил. Я понял, насколько мои способности затмевают способности окружающих. Зажжется свеча или нет, не имело никакого значения. Я — Сквив. Я могуч.

Я почти с презрением мысленно дотронулся до фитиля. Словно в ответ на мою волю на его кончике вспыхнула крошечная яркая искра.

От неожиданности я сел и заморгал, глядя на свечу. И в этот момент искра погасла, оставив после себя лишь легкое белое перышко дыма. Я с опозданием понял, что нарушил концентрацию.

— Отлично, Шалопай!

Гаркин внезапно оказался рядом со мной и радостно хлопнул меня по плечу. Как долго он был там, я не знал, да и не хотел знать.

— Она погасла, — жалобно сказал я.

— Неважно. Ты ведь зажег ее! Теперь ты полон уверенности. В следующий раз будет легче. Клянусь звездами, мы еще сделаем из тебя волшебника! Ладно, ты, должно быть, голоден.

Я едва успел поднять руку, чтобы перехватить оставшийся окорочок птицеящерицы, как он врезался мне в лицо. Он был холодным.

— Готов признать, малец, я уже начинал отчаиваться. Что же сделало этот урок таким трудным? Тебе не приходило в голову, что можно использовать те самые чары, что дают тебе дополнительный свет, когда ты взламываешь замок или даже устраиваешь пожар, чтобы отвлечь внимание?

— Я думал об этом, но дополнительный свет мог привлечь нежелательное внимание. Что касается отвлекающего момента, я бы поостерегся причинить кому-то вред. Я не хочу никому навредить, лишь...

Я умолк, слишком поздно осознав, что говорю. Тяжелый кулак Гаркина сбил меня с табурета, и я растянулся на полу.

— Я так и знал! Ты все еще думаешь о том, чтобы стать вором. Ты хочешь использовать мою магию, чтобы красть!

Он был вне себя от ярости, но на сей раз я остался верен себе.

— И что из этого? — огрызнулся я. — Это много лучше, чем голодать. Что хорошего в том, чтобы быть волшебником? Я имею в виду, ваш образ жизни дает мне отличное представление о том, что ждет меня в будущем.

Я указал на захлавленную комнату, единственную во всей хижине.

— Послушайте только, как взвыл волчонок, — усмехнулся Гаркин. — Когда зима выгнала тебя из леса воровать, тебя все здесь устраивало. «Это лучше, чем спать под кустом», — помнится, сказал ты.

— И устраивает до сих пор. Вот почему я все еще здесь. Но провести здесь остаток моей жизни? Прятаться в маленькой хижине в лесу — это не мое пред-

ставление о будущем, к которому нужно стремиться. Вы питались кореньями и ягодами, пока не пришел я и не начал ловить мясо и жарить его. Может, такая жизнь вам по сердцу, мастер Гаркин, но точно не мне!

Мы несколько долгих мгновений сердито смотрели друг на друга. Теперь, когда мой гнев выплеснулся, мне стало боязно. Хотя у меня не было большого опыта по этой части, я подозревал, что насмешки над магами — не лучший способ обеспечить себе долгое и безопасное будущее.

Как ни странно, первым сдался Гаркин. Внезапно он опустил взгляд и склонил голову, открывая мне редкий вид на всклокоченную массу волос на макушке.

— Возможно, ты прав, Сквив. — Его голос был подозрительно мягок. — Возможно, я показывал тебе, как работает магия, но не выгоду от нее. Я постоянно забываю, насколько подавлена магия в этих землях.

Он снова поднял взгляд, чтобы посмотреть мне в глаза, и я невольно вздрогнул. В его глазах не было злости, но в глубине пылал свет, которого я никогда раньше не видел.

— Знай, Сквив, все прочие земли не похожи на эту, да и я не всегда был таким, каким ты видишь меня сейчас. В странах, где магию признают, а не боятся, как здесь, она пользуется уважением, а власти предрержащие постоянно обращаются за помощью к магам. Там искусный маг, умеющий держать язык за зубами, может скопить в сто раз больше золота и драгоценностей, к чему ты так стремишься, будучи вором, и иметь такую власть, что...

Он внезапно умолк и покачал головой, словно пытаясь прояснить мысли. Когда же он снова открыл глаза, свет, который я увидел в них раньше, потух до тлеющего уголька.

— Но тебя не впечатляют слова, не так ли, малец? Пойдем, я продемонстрирую тебе малую толику той силы, которой ты однажды сможешь обладать, если, конечно, будешь практиковаться в своих уроках.

Добродушие в его голосе звучало фальшиво. Но в ответ на этот горящий взгляд я согласно кивнул. Честно говоря, мне не требовалась никакая демонстрация. Его короткая вкрадчивая речь привела меня в гораздо больший трепет, чем любая гневная тирада или демонстрация, но на сей раз я не хотел перечить учителю.

Не верю, что он заметил мою реакцию. Он уже шагнул в большую пентаграмму, навсегда вписанную в пол хижины. На ходу он рассеянно взмахнул рукой. В ответ на его жест со своего места в углу выбежала обгоревшая медная жаровня и встретила его в центре пентаграммы.

У меня было время вспомнить, что, возможно, именно эта жаровня впервые привлекла меня к Гаркину. Тогда я впервые заглянул в окно его хижины, пытаясь определить и запомнить местоположение ценных вещей для последующей кражи. Я увидел Гаркина таким, каким часто видел его с тех пор: уткнувшись носом в книгу, старикан беспокойно расхаживал взад-вперед по комнате. Это было удивительное зрелище, поскольку чтение не относится к тем занятиям, которым люди предаются в этой местности, но мое внимание привлекла жаровня! Неуклюжая штукавина ковыляла по комнате, следуя за Гаркином, как нетерпеливый щенок, который был слишком хорошо воспитан, чтобы вскочить на руки к своему хозяину, чтобы привлечь его внимание. Внезапно Гаркин оторвался от книги и задумчиво посмотрел на свой верстак. Затем, решительно кивнув, сделал короткий жест. Из груды вещей взмыл небольшой горшок с неопознанным содержимым и поплыл к его застывшей в ожидании руке. Гаркин поймал его, вновь уткнулся в книгу и, не поднимая глаз, зачерпнул ложкой. Быстрая, как кошка, жаровня проскочила под его рукой и поймала ложку прежде, чем та упала на пол. Так состоялось мое знакомство с магией.

Что-то вернуло мои мысли в настоящее. Что именно? Я посмотрел на Гаркина. Нет, наполовину скрытый парящим облаком пузырьков и банок, мой учитель

все еще трудился: что-то бормоча, он время от времени хватал одну из них из воздуха и добавлял немного содержимого в жаровню. Над чем бы он ни работал, это обещало быть впечатляющим.

Затем я услышал их снова. Приглушенные шаги за стенами хижины.

Но это невозможно! Гаркин всегда ставил... Я поплылся в памяти. И не смог припомнить, чтобы Гаркин перед тем, как приступить к работе, ставил защитные чары. Но это курам на смех! Осторожность превыше всего — первое и самое важное правило, которое Гаркин вбил мне в голову, и частью превентивных мер всегда была установка защитных чар перед тем, как приступить к работе. Он не мог забыть... но последнее время он был довольно напряжен и рассеян.

Я все еще пытался решить, стоит ли мне прервать труды Гаркина, когда он внезапно отошел от жаровни. Он в упор посмотрел на меня, и все слова застряли у меня в горле. Боюсь, сейчас не тот момент, чтобы возвращать его в реальность. В его глазах вновь появился блеск, более яркий, чем раньше.

— Даже демонстрации должны служить уроком, — произнес он. — Контроль, Сквив! Контроль — вот основа магии. Сила без контроля — сущее бедствие. Именно поэтому ты тренируешься с пером, хотя умеешь перемещать более крупные и тяжелые предметы. Контроль. Даже твои скудные силы будут опасны, если их не держать в узде, и я не буду учить тебя большему, пока ты не научишься этому контролю.

Он осторожно вышел из пентаграммы.

— Дабы продемонстрировать важность контроля, я сейчас вызову демона, существо из другого мира. Он могущественный, жестокий и злобный и, будь у него такая возможность, непременно убил бы нас обоих. Однако, несмотря на это, нам не нужно его бояться, потому что я буду его контролировать. Чудовище не сможет причинить вред нам или чему-либо еще в этом мире, пока заключено внутри этой пентаграммы. А теперь смотри, Сквив. Смотри и учись.

С этими словами он снова повернулся к жаровне и развел руки в стороны. Одновременно с этим пять свечей в точках пентаграммы ожили, а линии пентаграммы засияли жутковатым синим светом. На несколько минут воцарилась тишина, а затем Гаркин нараспев что-то забормочил себе под нос. Из жаровни появилась струйка дыма, но вместо того, чтобы подняться к потолку, она устремилась к полу, где стала превращаться в небольшое облако, которое забурлило и запульсировало. Пение Гаркина стало громче, а облако росло и темнело на глазах. Жаровня почти скрылась из виду, но там... в глубине облака... что-то обретало форму...

— Иштван передает тебе привет, Гаркин!

От этих слов я чуть не выпрыгнул из собственной кожи. Они прозвучали внутри хижины, но не внутри пентаграммы! Я резко повернулся к их источнику. В дверном проеме стояла фигура в ослепительно-ярком золотистом плаще. В какой-то безумный миг я подумал, что это демон ответил на вызов Гаркина. Но потом я увидел у него арбалет. Да, это был человек, но взведенный и заряженный арбалет в его руке никак не способствовал моему спокойствию.

Гаркин даже не обернулся.

— Не сейчас, болван! — рявкнул он.

— Это была долгая охота, Гаркин, — продолжил незванный гость, как будто не расслышал слова моего учителя. — Ты неплохо спрятался, но неужели ты надеялся скрыться?

— Да как ты посмел?! — воскликнул мой учитель. Его буквально колотило от ярости.

Теперь наш гость рассмотрел лицо Гаркина, увидел его глаза, и его лицо исказилось гримасой ужаса. Он машинально выпустил из арбалета стрелу, но, увы, опоздал. Я не видел, что сделал Гаркин, — все происходило слишком стремительно, — но незнакомец внезапно исчез в стене пламени. Он пронзительно вскрикнул от боли и рухнул на пол. Пламя исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив в качестве доказательства своего существования лишь тлеющий труп.